

МИХАИЛ
ХОДОРКОВСКИЙ
и НАТАЛИЯ ГЕВОРКЯН

ТЮРЬМА
И РОС

Михаил Ходорковский Наталья Геворкян Тюрьма и воля

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4241185
Тюрьма и воля: Говард Порк; Москва; 2012
ISBN 978-5-906067-01-2*

Аннотация

Михаил Ходорковский был одним из богатейших людей России, а стал самым знаменитым ее заключенным. Его арест в 2003 году и последующий обвинительный приговор стали поворотными в судьбе страны, которая взяла курс на подавление свободы слова и предпринимательства и построение полицейского государства. Власти хотели избавиться от вышедшего из-под их контроля предпринимателя, а получили символ свободы, негибаемой воли и веры в идеалы демократии.

Эта книга уникальна, потому что ее автор – сам Михаил Ходорковский. Впервые за многие годы он решил откровенно рассказать о том, как все происходило на самом деле. Как из молодежного центра вырос банк МЕНАТЕП, а потом – ЮКОС. Как проходили залоговые аукционы, и ЮКОС стал лидером российского и мирового бизнеса. И как потом все это рухнуло – потому, что Ходорковский оказался слишком неудобным для власти. Почему он не уехал, хотя мог, почему не держит зла на тех, кто прервал его полет. Что представляет из себя жизнь в тюрьме и на зоне. И каким он видит будущее России.

Соавтор Михаила, известный журналист, автор книги «От первого лица. Разговор с Владимиром Путиным», Наталия Геворкян, дополняет его рассказ своей точкой зрения на события, связанные с ЮКОСом и историей России последнего десятилетия.

Содержание

Предисловие	5
Вместо предисловия	8
Вводная глава	9
Глава 1	26
ГУЛАГ или уже не ГУЛАГ?	30
Адаптация к несвободе	33
Тюрьма и воля	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Ходорковский, Наталья Геворкян

Тюрьма и воля

Выпускающий редактор *Ильин А.М.*

© Оформление. Говард Рорк, 2012

© Электронное издание. Говард Рорк, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Михаил Ходорковский

Признаюсь, что написать мемуары или хотя бы развернутую автобиографию впервые мне было предложено еще в 2004 году, когда я уже почти год провел в тюремной камере.

После недолгих размышлений я отказался. Дело в том, что для меня мемуары – это прежде всего некое подведение итогов жизненного пути, неминуемо связанное (если, конечно, оставаться честным перед самим собою) с раскрытием того сокровенного, что несешь всю жизнь в себе, а я не считал тогда, что время для этого настало.

Волна арестов сотрудников ЮКОСа, вынужденный отъезд партнеров и многих близких друзей из России, запредельные налоговые претензии, приведшие в результате к принудительному банкротству и разрушению компании, – все это было еще слишком «горячо», и мне казалось, что моя откровенность может «подставить» тех, кто еще оставался на свободе. А больше всего я не люблю нарушать обязательства.

Не могу сказать, что у меня были перед кем-то однозначные обязательства по неразглашению каких-либо договоренностей, содержания бесед, разговоров и т. п. Просто, окупившись тогда в практическую политику, я с некоторым, быть может наивным, удивлением убедился, что морали тут действительно не место, что здесь не в чести даже элементарная порядочность, а предательство и ложь – всего лишь обыденные нормы поведения. В политике врут постоянно, врут по поводу и без, врут, потому что «так надо», и чем выше человек во властной пирамиде, тем глубже засасывает его этот водоворот лжи.

Вот и сейчас, на девятом году лишения свободы, находясь в карельской колонии и наблюдая по телевидению за так называемым «выборным» процессом, не могу не отметить возникновения некоего порочного круга лжи – «лжи в квадрате» и даже «в кубе», немудреные хитросплетения которой видны заключенному даже без доступа к Интернету.

Депутаты Госдумы с умным видом слушают выступления руководителей страны о состоянии коррупции. При этом они отлично знают, что коррупция проникла во все стороны нашей жизни и что от слов даже самых «ответственных» лиц ничего не изменится до тех пор, пока не произойдет смена режима и не будет изменена та система управления, которая сложилась в России.

Выступающий с высокой трибуны Госдумы тоже все прекрасно понимает про коррупцию, а еще он понимает, что депутаты ему не верят, но просто делают «умное лицо». Телезритель, наблюдающий за очередным витком вранья, уже не может выносить все это и, если есть такая возможность, переключается на сериалы.

Но самое ужасное, что и выступающий с трибуны «борец с коррупцией», и депутаты Госдумы, и все правительство в целом и по отдельности знают прекрасно, что телезритель им не верит и что народ не хочет все это смотреть. А уж в эффективность такой «борьбы» с коррупцией не верит никто, но все успокаивают себя тем, что вранье – это неотъемлемая часть политики и по-другому не бывает.

Для меня, в бывшей моей бизнес-жизни, врать было невозможно: несмотря на многочисленные слухи о моей так называемой «недоговороспособности» (а это один из любимых кремлевских мифов), все, с кем я вел прямые переговоры за годы занятия бизнесом, знали, что я – переговорщик непростой и готов переговоры вести долго. Но никогда – никогда! – я не нарушал обязательств, которые на себя принимал. Даже не могу себе представить, как можно заниматься бизнесом, если нарушаешь договоренности: ведь в этом случае ты либо не вылезешь из судов, либо не умрешь собственной смертью... В общем, «окувание» в поли-

тику меня потрясло: слова и обязательства политики давали и брали легко и так же легко их нарушали.

И хотя, как уже сказал выше, у меня не было каких-то четких обязательств по неразглашению договоренностей и т. п., я исходил и исхожу из того, что, прежде чем рассказывать о ком-либо, кроме себя (а в мемуарах без этого не обойтись), в первую очередь необходимо спросить, хочет ли он общественной огласки своих деяний или еще не время.

Вторая причина того, почему я был не готов к написанию мемуаров (автобиографии) в 2004 году, заключалась в том, что только попав в тюрьму, начал заниматься литературным творчеством. Сначала было очень тяжело. Статьи – это не интервью, здесь обдумываешь каждую фразу. С учетом специфичности своего положения я понимал: читать будут не только друзья, иные будут искать слабые места, чтобы потом побольнее «ударить». После первых статей было много сомнений: сам ли я пишу, зачем я это делаю, и вообще... вопросов было много. Тем ценнее для меня была помощь тех изданий («Ведомости» и «Новая газета»), которые первыми поверили в меня и опубликовали.

В то же время много сомневающихся было и среди моих близких и друзей, так как в написанных мною статьях Ходорковский-автор не всегда соответствовал тому публично распиаренному образу Ходорковского, который был сформирован до моего ареста. Непросто мне было все это про себя читать и слышать...

Именно тогда, в 2004 году, я решил для себя, что время для мемуаров или автобиографии еще не пришло. Спешу огорчить или обрадовать читателя – не пришло оно и сейчас. Еще не время!

Когда я буду готов к полноценной автобиографии, сказать пока не могу. Не в последнюю очередь это связано с моим нынешним положением и, конечно же, с тем, что не только не считаю нынешний период своей жизни «подведением итогов», но надеюсь и живу будущим!

Решился же я на эту книгу в том числе и потому, что давно, уже больше 15 лет, знаю Наташу Геворкян как прекрасного, честного журналиста и просто хорошего человека. Наташа, будучи одним из журналистов, чье мнение для меня крайне важно, поначалу сомневалась в том, что я и есть автор первых статей, опубликованных в газете «Ведомости» под моей фамилией. И именно ее критическое отношение к моим литературным «талантам» и авторству, высказанное в 2004 году, использовали и до сих пор используют кремлевские пропагандисты. Поэтому, когда она обратилась ко мне с предложением написать совместную книгу, я понимал, что это будет нелегкий труд.

У книги два автора, поэтому нередко наши мнения не совпадают в оценках, трактовках и описании некоторых событий. И это нормально. У авторов есть расхождения и в части доверия к словам тех или иных персонажей книги. Каждый из нас отвечает за свою часть, за то, что говорит сам. В работе над книгой (по переписке) мы с Наташей много спорили, и в целом то, что увидит читатель, – продукт компромисса.

Главное, что объединяет авторов этой книги, – верность общим ценностям европейской цивилизации, неотъемлемой частью которой является и моя страна, несмотря на бесплодные попытки больших и малых политиков и политиканов на различных этапах российского развития столкнуть ее с однажды выбранного пути.

Сейчас, когда вы читаете эту книгу, мы с Платоном Лебедевым, полностью отбыв первый восьмилетний срок заключения, получили второй и теперь ждем 2016 года, давно уже не являясь богатыми людьми. Владимир Путин снова сам себя назначил в президенты. Главный юрист компании и адвокат Вася Алексанян погиб, не дав нужных следствию показаний. Прокуроры, судьи и следователи, участвовавшие в нашем деле, получили очередные повышения, звездочки, денежные премии. Список российского *Forbes* не сильно изменился, и в целом по России богатые стали еще богаче, а бедные – еще беднее.

Но есть еще одно наблюдение – даже из окошка тюремной камеры в Сибири или Карелии это видно: честных, совестливых людей, которые хотят перемен, становится больше с каждым годом, месяцем, днем. Вопрос Перемен – это вопрос времени, хотя я, видимо, слишком заинтересованное лицо.

Со своей стороны я намерен работать во благо тех поколений, которым совсем скоро достанется наша страна. Поколений, которые хотят настоящих перемен. Поколений, с которыми придут новые ценности и новые надежды.

Вместо предисловия

Наталия Геворкян

Приближалось Рождество, и я отправилась выбирать рождественскую открытку. Единственную, которую собиралась отправить. Хозяин магазина на Рю-дю-Жоффруа меня знал. Я обожаю этот парижский магазин. Он из какой-то другой жизни: с перьевыми ручками, вручную сделанной бумагой, наивными открытками. Он показал в тот угол, где были рождественские открытки, я присела прямо на пол и стала выбирать. Вдруг кто-то из стоящих рядом спросил: «Ну зачем, скажите, пожалуйста, отправлять открытки, если уже все пользуются мейлами?» Не поднимая головы, ответила: «Туда, куда я ее отправлю, мейлы не ходят». Девушка не унималась: «Куда же это, интересно, не ходят мейлы?» «В Сибирь, в тюрьму», – ответила я, не прерывая поиска. Пауза, и какая-то неожиданная тишина. Я наконец подняла голову и увидела, что вся немногочисленная публика в магазине, включая хозяина, смотрит на меня в некотором замешательстве. Девушка оказалась репортером France 2, рядом стоял парень с камерой и еще один с микрофоном. «Сибирь? ГУЛАГ?» – уточнила девушка. «Вот-вот», – кивнула я головой. Девушка попросила меня повторить это на камеру. У меня правило – не отказываю коллегам-журналистам. Я встала и повторила: «Я хочу отправить открытку в Сибирь своему знакомому. Он бизнесмен. Он там сидит в тюрьме. И я очень надеюсь, что он ее получит». Камеру выключили. Люди в магазине стали подходить ко мне и говорить, что все будет хорошо, что открытка обязательно дойдет, что его обязательно освободят. Любопытно, что ни один не задал вопрос, за что же сидит мой знакомый бизнесмен. Для этих людей Сибирь-ГУЛАГ – это символ несправедливости. Точка. Хозяин магазина отмахнулся от денег и добавил к открытке подходящий конверт и пару листов бумаги, украшенных вензелем ручной работы, для письма. Журналистка догнала меня на улице: «А можно спросить, как его зовут, этого вашего знакомого?» «Ходорковский», – ответила я. Девушка старательно записала сложную фамилию. Она ей ничего не говорила. Посмотрела на меня: «А он кто?» Я задумалась. Одни говорят, что гений, другие – что злодей.

Вводная глава

Русский народный Кафка

Наталия Геворкян

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.*

А. Пушкин. Евгений Онегин

МБХ – так его все называют. Первые три буквы: Михаил Борисович Ходорковский. Да и сам он так подписывается. Друзья иногда называют его Хайдер. Еще его называли самым богатым россиянином, владельцем лучшей в стране нефтяной компании ЮКОС. Теперь его называют «главным заключенным России». Самую короткую историю про МБХ я случайно подслушала у французского экскурсовода, который рассказывал русским туристам о Фуке в принадлежавшем тому в середине XVII века замке Во-ле-Виконт под Парижем.

Это тот самый суперинтендант Фуке, которого по приказу Людовика XIV арестовал Д'Артаньян. Экскурсовод рассказал примерно так: «И вот король приехал в этот роскошный замок. Увидел над входом девиз, который можно перевести с латыни так: “Нет таких высот, которых бы я не достиг”, увидел прекрасный парк, в котором в его честь устроили феерический спектакль. А Кольбер-то подзуживал по поводу нечестно нажитого богатства Фуке. Да еще поговаривали, что он на власть замахивался. Король погостил у Фуке, а потом отдал приказ его арестовать. А дальше все происходило примерно, как в истории про господина Путина и господина Ходорковского».

Правда, в XVII веке арестанту Фуке дали свидание с женой только через 15 лет после приговора. А арестант Ходорковский в XXI веке получил свидание с женой всего-то через четыре с половиной года с начала второго уголовного дела¹. Мы как раз дописывали эту книгу, когда он смог, впервые за эти годы, обнять жену и детей – в колонии № 7 Сегежского района Карелии, где ему, если не произойдет чуда, сидеть оставшиеся пять лет из 13, которые он получил по второму приговору (минус семь, отсиженных на тот момент). Сегежа примерно в 700 километрах севернее Петербурга, температура колеблется от минус 25 зимой до плюс 25 летом. И все же это ближе к Москве и более щадяще по климату, чем в предыдущей колонии в сибирском Краснокаменске, где он сидел по первому приговору, вынесенному в 2005 году.

Инна, жена Ходорковского, рассказала мне как-то про их самое первое после ареста длительное свидание в Сибири: «Дочке было 12 лет, близнецам по четыре года, я их с собой туда не брала. Вот сейчас в Сегеже они повидались с папой. А в Краснокаменск... Туда почти как на оленях – добираться туда-обратно надо было трое суток. Октябрь, там уже холодно. Как это тебе объяснить... Прошло два года с его ареста. И когда мы оказались вместе, у меня впервые за два года появилось ощущение защищенности. И я все трое суток проспала. Я открывала глаза, слышала, что кто-то с ним разговаривает, и снова закрывала. Я просто не могла подняться. Он все понял. Жарил яичницу, кормил меня. И я снова засыпала. Я почувствовала, что мне можно расслабиться. Это был своего рода “отход-

¹ За период с 2007 по 2011 год Ходорковскому не дали ни одного полноценного свидания с семьей. Были только краткосрочные – по телефону и через стекло. – Прим. ред.

няк” от того напряжения, которое не проходило с момента его ареста. И долго не проходило потом».

С декабря 2006 года и до июня 2011-го Ходорковский постоянно находился в тюрьме или в зале суда, когда свидания разрешены два раза в месяц. Два крохотных стульчика перед стеклом с решеткой, телефон. И он по ту сторону стекла. Раз в месяц приходили родители, в другой раз – жена: или с дочкой, или с сыновьями. всей семьей уместиться в крохотном пространстве было просто невозможно.

Столько воды утекло с того момента, когда была задумана эта книжка. И лишь два радостных события. Вышла на свободу Света Бахмина. Мать двоих маленьких детей, родившая в колонии третьего, попавшая в 37 лет в жернова запущенной репрессивной машины, осужденная в 2006 году на семь лет за хищение непонятно чего и непонятно в пользу кого. Ее выпустили в 2009 году после просьбы о помиловании и тысяч подписей, собранных в Интернете за ее освобождение.

Зимой 2012 года освободили бывшего топ-менеджера ЮКОСа Владимира Переверзина, не признавшего свою вину, отказавшегося оговорить Ходорковского и Лебедева и отсидевшего более 7 лет.

В октябре 2011 года умер, не дожив до своего 40-летия, Василий Алексанян, красавец и умница, выпускник Московского университета и Гарварда, возглавлявший правовое управление компании ЮКОС. От него требовали показаний на Ходорковского и Лебедева. Не получили. И просто убили тюрьмой, в которой за два года он превратился в инвалида – почти ослепшего, больного раком, СПИДом, туберкулезом. Умирать его отпустили домой, под залог в 50 млн рублей.

За то время, что писалась книга, родилась и умерла надежда, что президент Медведев – полноценный президент и профессиональный юрист. Мне ясно, что Ходорковский был и остается пленником Путина, он отмеряет ему срок. И к праву вся эта история имеет не большее отношение, чем избрание Путина на третий срок к выборам в нормальном понимании этого слова.

Когда мы задумывали эту книгу, еще не прозвучало в зале суда последнее слово Ходорковского на втором процессе. Он еще не сказал «Мне стыдно за мое государство». И еще не произнес: «Я совсем не идеальный человек, но я – человек идеи. Мне, как и любому, тяжело жить в тюрьме и не хочется здесь умереть. Но если потребуется – у меня не будет колебаний. Моя Вера стоит моей жизни. Думаю, я это доказал. А ваша, уважаемые господа оппоненты? Во что вы верите? В правоту начальства? В деньги? В безнаказанность “системы”? Я не знаю, вам решать.

Ваша честь! В ваших руках гораздо больше, чем две судьбы. Здесь и сейчас решается судьба каждого гражданина нашей страны. Тех, кто на улицах Москвы и Читы, Питера и Томска, иных городов и поселков рассчитывает не стать жертвой милицейского беззакония, кто завел свой бизнес, построил дом, добился успеха и хочет, чтобы это досталось его детям, а не рейдерам в погонах, наконец, тех, кто хочет честно исполнять свой долг за справедливую зарплату, не ожидая ежеминутно, что будет под любым предлогом уволен коррумпированным начальством.

Не в нас с Платоном дело, во всяком случае – не только в нас. Дело в надежде для многих наших сограждан. В надежде на то, что суд завтра сможет защитить их права, если каким-то очередным бюрократам-чиновникам придет в голову эти права нагло и демонстративно нарушить.

Я знаю, есть люди, я называл их в процессе, которые хотят оставить нас в тюрьме. Оставить навсегда! В общем, они это особо не скрывают, публично напоминая о существовании “вечного” дела ЮКОСа.

Почему не скрывают? Потому что хотят показать: они – выше закона, они всегда добьются того, “что задумали”. Пока, правда, они добились обратного: из нас, обычных людей, они сделали символ борьбы с произволом. Это получилось. Это не наша заслуга, их. Но им необходим обвинительный приговор, чтобы не стать “козлами отпущения”».

А потом было последнее слово матери Михаила – Марины Ходорковской. Короткое и безжалостное в лицо судьи: «Будьте вы прокляты. И потомки ваши!»

Эта книга начиналась, когда еще шел второй процесс в Москве. По абсурдности вполне достойный пера Кафки.

Если вы встанете спиной к Министерству иностранных дел России на Смоленской площади в Москве, пройдете немного вниз к набережной Москва-реки и повернете налево, то окажетесь в 7-м Ростовском переулке. Прогуляйтесь по нему до неказистого дома 21. И если у вас в кармане есть паспорт (любого государства), зайдите в подъезд этого дома, пройдите неназойливую процедуру осмотра и регистрации при входе, пообещайте, что у вас нет фото– или видеоаппаратуры, и поднимитесь на третий этаж. Вы – в Хамовническом суде Москвы. Вам нужен зал № 7. Именно здесь с марта 2009-го до декабря 2010 года судили Михаила Ходорковского и его друга и партнера Платона Лебедева.

Около десяти утра или в районе двух дня можно было наблюдать, как по лестничному пролету с четвертого этажа на третий бодрой трусцой сбегает двое мужчин, соединенных наручниками с двумя другими мужчинами в форме. Иногда для разнообразия двоих мужчин приковывают наручниками друг к другу, и тогда люди в форме идут спереди и сзади. Мужчины в форме меняются. Мужчины в наручниках всегда одни и те же.

Тот, что повыше и постарше, совершенно седой, обычно в спортивной куртке, – Платон Лебедев. В 2010 году ему 54 года. Тот, что помоложе, в очках, очень коротко стрижен, обычно в джинсах, майке, куртке или свитере, – Михаил Ходорковский. Ему 47 лет.

И это единственное мгновение, когда двух самых знаменитых заключенных России можно было увидеть не за решеткой, не за пуленепробиваемым стеклом, а, так сказать, живьем: в короткие минуты, когда их под охраной приводили в зал суда и выводили из него. Эти двое арестантов – бывшие совладельцы бывшей нефтяной компании ЮКОС.

В 2003 году журнал *Forbes* подсчитал, что Михаил Ходорковский «стоил» \$8 млрд. 40-летний бизнесмен был назван самым богатым россиянином. В 2003 году его компания впервые обогнала по уровню добычи нефти гиганта российской нефтянки – компанию «ЛУКОЙЛ», а по сумме капитализации – сам Газпром. Тогда же журнал *Fortune* назвал ЮКОС лидером в мировой экономике по возврату капиталовложений и вторым по размерам прибыли на вложенные инвестиции, то есть ЮКОС тогда опередил по этим показателям Microsoft, Citigroup и фармацевтический Pfizer. Ходорковский возглавлял компанию, которая давала 2 % мировой нефти и 20 % российской. На 2 сентября 2003 года, за полтора месяца до ареста Ходорковского, капитализация ЮКОСа оценивалась в \$32,8 млрд.

Этот парень из среднестатистической советской семьи инженеров, которому к моменту прихода к власти Горбачева было 22 года, проделал путь от отличника-комсомольца конца 1980-х до нефтяного магната в конце 1990-х. Он был одним из тех, кто «оседлал» ельцинскую реформаторскую волну и с максимальной эффективностью использовал 1990-е годы в России со всеми возможностями, достоинствами и недостатками того бурного десятилетия. Одним оно принесло слезы и потери. Другим – миллиарды и навсегда приклеившееся к ним прозвище «олигархи».

В 2003 году, когда нефть поднялась в цене и планка на нефть марки Urals держалась примерно на отметке \$29,76 за баррель, чистая прибыль ЮКОСа за первые девять месяцев составила \$3,546 млрд (против \$2,07 млрд за тот же период 2002 года), выручка подскочила с \$7,95 до \$12,2 млрд. Ходорковский вел переговоры о возможном слиянии с крупными ино-

странными нефтяными компаниями. Фактически была завершена сделка по слиянию с другой российской компанией – «Сибнефть».

2003-й стал самым удачным и одновременно последним годом ЮКОСа имени Ходорковского. Такой компании больше нет. Как это ни странно, и той страны, в которой была та компания, уже нет.

Арест Ходорковского в 2003-м стал чертой, отделивший ельцинскую Россию от путинской. Путин, занявший пост президента страны в 2000 году, декларировал усиление роли государства, подчиненное положение бизнеса, построение вертикали власти и стабильность, как ее понимал он и его ближайшее окружение. В путинской России не стало не только бизнеса Ходорковского, но и его благотворительной общественной образовательной организации «Открытая Россия», как, впрочем, и многих других неправительственных организаций, которые, судя по всему, вызывали подозрение у выходца из КГБ Владимира Путина. При нем случилось до минимума гражданское общество. Крупнейшие электронные СМИ, в первую очередь телевидение, оказались под контролем государства. Исчез полноценный парламент. Были отменены губернаторские выборы.

Ходорковский не был революционером. Он прекрасно понял правила игры при Путине. И умел играть по правилам. Во всяком случае до определенного момента. Все основные проекты он согласовывал с Кремлем или лично с Путиным, начиная с бизнеса и заканчивая поддержкой, в том числе финансовой, оппозиционных партий. При позднем Ельцине такой прямой зависимости бизнеса от Кремля не было. Потом это стало необходимым условием для нормального функционирования любой компании, в том числе и ЮКОСа.

Со стороны казалось, что ЮКОС в полном порядке: в апреле 2003 года президент Путин тепло поздравил компанию с десятилетием. Обращение президента зачитал глава его администрации Александр Волошин. «Эффективная организация труда, высокий профессионализм и ответственность сотрудников позволяют компании не только удерживать, но и расширять свои позиции на внутреннем и международном рынке», – цитировал Волошин президента. Но уже через два месяца был арестован глава отдела внутренней экономической безопасности ЮКОСа Алексей Пичугин. В июле арестовали одного из основных акционеров ЮКОСа Платона Лебедева. Ни у кого не оставалось сомнений, что это – «наезд», как говорят в России. В октябре 2003 года был арестован и Ходорковский.

До этого момента Ходорковский был не более интересен, чем любой другой из первой семерки олигархов, всплывших на волне 1996 года, когда эти ребята решили: пан или пропал – и сделали ставку на президентских выборах на Бориса Ельцина при очевидном рейтинговом преимуществе коммунистов в лице их лидера Зюганова. Судьба этих бизнесменов в дальнейшем складывалась более чем удачно. Ельцин остался в президентском кресле, а бизнесменам в качестве благодарности дали возможность приватизировать весьма перспективные куски госсобственности, выставленной на продажу, в том числе и в сырьевой сфере. Ощущение было такое, что олигархи просто берут власть в свои руки, пока они не рассорились и не разбежались по интересам в 1997-м, через год после выборов. Эффективный союз олигархов, готовых рискнуть всем, включая жизнь и собственность, в пользу общего политического выбора, остался неповторимым фактом в истории страны. Когда арестовали Ходорковского, никакого единого порыва в его защиту со стороны олигархов замечено не было.

Уже после ареста Ходорковского, пытаясь понять, почему именно он был выбран показательной жертвой постельцинской власти, начинаешь обращать внимание на детали и понимаешь, что при всей внешней лояльности новой власти Ходорковский все равно был другим. Он зачем-то сделал прозрачной структуру собственности компании, что в России не было принято. Он почему-то всерьез и вполне результативно занялся собственным имиджем и имиджем компании за рубежом. Он начал создавать благотворительные организации. Он

озаботился компьютеризацией и модернизацией страны. Его почему-то волновало образование и сохранение интеллектуального потенциала России. Ему почему-то приспичило строить трубопровод в Китай. Вступив в переговоры с крупным западным партнером, он фактически начинал экспансию российского бизнеса на Запад.

МБХ: После того как вихрем пронесся кризис августа 1998 года, первое время все мысли были о том, как спасти ЮКОС и как вытащить из пропасти те предприятия, к которым имела отношение Группа МЕНАТЕП.

Наступило 31 декабря 1998 года, и стало понятно, что с долгами не рассчитались, но горизонт по крайней мере уже виден. Сейчас, наверное, в это никто не поверит, но тогда в нашей общей менатеповской кассе был ноль. То есть если бы встал вопрос, что делить с партнерами, то разделу подлежала бы только ответственность за долги.

Тем не менее нам был присущ оптимизм, и стало понятно, что прорвемся, хотя сэкономили буквально на всем. Все предложения по инвестициям, которые не были заранее утверждены соответствующим образом, отклонялись.

И именно в этот момент ко мне прорвались сквозь секретариат, замов и помощников несколько молодых ребят, внешне и внутренне совсем не похожих на тех, с кем мы поднимали ЮКОС из руин и строили новую российскую промышленность. Пройти через частокол «заградотрядов» в большой бюрократической структуре было очень непросто, но ребята – прорвались. Это теперь те, кто тогда пришел ко мне, – известные журналисты, топовые сетевые блогеры, политики, а некоторые – даже депутаты Госдумы РФ...

Предложений было несколько, и все они были независимыми друг от друга: создание интернет-издания, образование реальной некоммерческой организации для пропаганды и развития Интернета в России с упором на регионы, создание компьютерных классов.

Объяснить тогда, в конце 1990-х годов, коммерческую привлекательность интернет-проектов было невозможно почти ни одному бизнесмену. Необходимость развития в стране альтернативного источника получения информации при наличии всеохватывающего телевидения воспринималась всеми как дерзость и пустые фантазии.

Но тем не менее я поверил. Поверил в людей, поверил в идеи. Коммерческой выгоды лично я никакой не приобрел, но в России, в провинции стали создаваться первые интернет-классы, пропагандировался Интернет, а в 2000 году возникла некоммерческая организация – Федерация интернет-образования, известная сейчас многими своими просветительскими проектами. Именно тогда, на заре XXI века, была создана «Газета. ру», без чтения которой сейчас не обходятся многие из тех, кто черпает информацию в Сети.

В свете сетевой революции очень важно, что те цели и задачи, которые ставились в те времена, уже сейчас, неожиданно даже для меня, приносят свои плоды. Пользу от развития Сети получила вся страна, и теперь это полноправный альтернативный источник информации. Что особенно отраднo: на определенном этапе проекты стали самостоятельными и ушли в независимое плавание. А Интернет стал частью нашей жизни, нашей

политики, новым кирпичиком в фундаменте построения гражданского общества в России.

Если бы все его планы реализовались, Ходорковский мог бы стать очень сильной и влиятельной фигурой в России, и не только. Слишком сильной и слишком влиятельной, чтобы держать его на коротком поводке, что предпочитала новая власть во взаимоотношениях с крупным бизнесом. Слишком сильным и влиятельным, чтобы это могло понравиться другим олигархам и конкурентам в бизнесе. Да еще и эта его фраза, брошенная как-то в интервью, что в 45 он уйдет из бизнеса. Куда? В политику? Плюс созданная им гуманитарная организация «Открытая Россия» с ее просветительскими и образовательными проектами по всей стране, которая была очевидно модернизационным проектом и делала отличный пиар Ходорковскому в интеллектуальной среде.

Ходорковский перестал двигаться в общем потоке. Он выделялся, обращал на себя внимание, опережал окружающих и время. Его лидерские качества начали проявляться за рамками созданной им компании. Единственным способом остановить экспансию Ходорковского внутри страны и вовне было вывести его из игры. Что власть и сделала, упрятав его за решетку.

Почему был избран именно такой способ? Не мне принадлежит мысль, что возникновение путинского режима связано с изначальным насилием, даже с «кровопролитием – чеченской войной, что способствовало утверждению насилия в качестве одного из базовых элементов социальных отношений. Насилие, осуществляемое в псевдоправовых формах... стало в путинское десятилетие важнейшим фактором демодернизации, ретрадиционализации отношений господства. Основанное на насилии политическое господство репрессивных структур, на которые опираются... авторитарные режимы, оставляет труднопреодолеваемый след в психологии людей, привыкших считать себя подданными, и в их отношении к государству»².

Инструментом самоутверждения во власти при Путине, естественно, стали силовые ведомства, напрямую подчинявшиеся ему как президенту. Забытая было практика использования арестов и формально уголовных процессов в борьбе с неудобными, непослушными, не «своими» вернулась. В сравнении с советскими временами добавилось новшество. Рейдерство – захват чужого бизнеса, в том числе с помощью силовых структур, нейтрализующих собственника, то есть фактически передел собственности, – стало практикой после «дела ЮКОСа». По подсчетам специалистов, примерно треть всех заключенных в сегодняшней России сидит по обвинению в экономических преступлениях. Это те, чей бизнес или убили, или отобрали. Устойчивое выражение «телефонное право», то есть прямое влияние исполнительной власти на решения судов как последней инстанции, призванной придать легитимность силовому решению, никогда не переставало быть в России актуальным.

В «группу риска», естественно, попали крупные бизнесмены, заработавшие деньги и влияние в 1990-е годы. В их руках оказались лучшие сырьевые активы страны. В то же время результаты ельцинской приватизации так и не были легитимизированы в глазах большей части общества; таким образом, олигархи со всеми их активами были и остаются заложниками воли государства. Вопрос был лишь в том, захочет ли государство нарушить статус-кво и воспользоваться этим. Ельцин по тем или иным причинам этого не делал. Путин сделал, еще раз напомнив бизнесменам, что государство может всё. Все и всё быстро поняли.

В прокуратуре появился довольно любопытный персонаж, ставший известным с начале 2000-х как «киллер олигархов», – Салават Каримов, следователь по особо важным делам Генпрокуратуры России, специально привезенный из Башкирии. Ныне он занимает скромный, на первый взгляд, пост советника генерального прокурора России Юрия Чайки,

² Наталья Ворожейкина, «Ведомости», 21.07.2010.

но с сохранением кабинета и государственной машины с шофером. В России это символизирует сохранение власти и влияния.

Именно Каримов вел дело против телемагната Владимира Гусинского, владельца крупнейшего частного телеканала НТВ. НТВ теперь принадлежит Газпрому, а Гусинский, в отличие от Ходорковского, подписал все нужные властям документы и покинул страну после нескольких дней в тюрьме. Кстати, Ходорковский был в числе бизнесменов, подписавшихся под требованием об освобождении Гусинского. Интересно также, что, выйдя из тюрьмы, Гусинский сообщил, что готовится «наезд» на других олигархов, в том числе и «некоторых управленцев ЮКОСа». И оказался прав.

Каримов также вел дела против бывшего министра путей сообщения и одного из конкурентов Путина на пост президента в 2000 году Николая Аксененко. Бывший министр умер от рака. Его держали под домашним арестом и не выпускали лечиться, а когда позволили выехать в Швейцарию, (говорят, после личного вмешательства Ельцина), было уже поздно.

Все тот же Каримов вел дело против Якова Голдовского, владельца нефтегазохимической компании «Сибур». В 2002 году Голдовский был арестован прямо в здании Газпрома. Он сложил с себя полномочия руководителя компании, передал ее под контроль Газпрома. После этого его выпустили из тюрьмы, и он уехал в Австрию.

Каримов же вел уголовное дело против одного из «отцов-создателей» Владимира Путина, ставшего затем его яростным критиком, – Бориса Березовского, которого обвинили в хищении денег подконтрольного ему в свое время автомобильного завода АвтоВАЗ. Именно это дело неоднократно использовалось российскими властями в их безрезультатных требованиях об экстрадиции Березовского из Великобритании. Кстати, на сегодняшний день ни один из бежавших из России по политическим мотивам крупных российских бизнесменов не был выдан России.

И наконец, Каримов подписывал и первое, и второе обвинение против Ходорковского и Лебедева. Его подпись – почти на всех процессуальных бумагах вплоть до 2007 года. Он фактически осуществлял оперативное руководство государственными обвинителями и в первом, и во втором процессе против Ходорковского и Лебедева. Мне говорили, что Каримов напрямую общался и получал инструкции от третьего по влиятельности (фактически, а не в смысле должности) человека в стране – Игоря Сечина.

51-летний Сечин³ в прошлом военный переводчик в Мозамбике. По профессии – филолог-романист со знанием португальского и французского. С момента знакомства с Путиным в 1990 году они больше не расставались. Вместе работали в петербургской мэрии, вместе приехали в Москву. При Путине-президенте Сечин занимал должность заместителя руководителя администрации президента и помощника президента. При Путине-премьере он оставался его правой рукой в должности заместителя премьер-министра, курировавшего в том числе энергетику. До 2003 года Сечин был сильной, но теневой фигурой в окружении Путина. Его имя публично прозвучало в связи как раз с делом ЮКОСа. Его считают организатором и куратором этой истории. Он сам старается избегать этой темы и публично ее не комментирует. Лишь один раз в интервью *Financial Times*, отвечая на вопрос о политической подоплеке дела Ходорковского, Игорь Сечин отослал журналистов за правдой о деле Ходорковского к прокурорам, а не в суд, где как раз в это время продолжался процесс над Ходорковским и Лебедевым. Он заявил следующее: «Будь я на вашем месте, я бы пошел к прокурорам и просил их показать дело. Вы бы получили абсолютно четкий ответ на этот вопрос»⁴.

³ Игорь Сечин родился 7 сентября 1960 г. – Прим. ред.

⁴ FT. 21.06.10.

Для меня очевидно, что де-факто именно под контроль Сечина перешел бизнес Ходорковского.

История Ходорковского все больше напоминает историю Железной Маски не в смысле таинственности, а в смысле «закрытого» по велению «сверху» надолго или навсегда узника. Каждый раз при упоминании фамилии Ходорковского Путин не в состоянии скрыть раздражение и даже не пытается быть беспристрастным. Может, он и впрямь поверил в запущенную в том же 2003 году не самым известным до этого момента пиарщиком Станиславом Белковским версию о заговоре олигархов против Путина, согласно которой главный заговорщик Ходорковский при поддержке коллег-олигархов собирался подкупить российский парламент и региональные заксобрания, а затем устроить государственный переворот. Почему-то предположение, что российские депутаты поголовно продажны и олигарх якобы мог легко их купить, никто не счел абсурдным. Эта история начиналась с абсурда и абсурдом продолжается.

Несмотря на базовое юридическое образование, вновь избранный президентом Владимир Путин позволяет себе публично намекать на причастность Ходорковского к убийствам, которые ни разу не вменялись ему в вину. При этом на втором году второго процесса над Ходорковским Путин в интервью *«Коммерсанту»* безмятежно заявил, что вообще ничего не знает о втором процессе⁵. А через 10 дней на встрече с российскими и иностранными политологами его интонации резко изменились. Адам Михник, который задал премьер-министру вопрос о судьбе Ходорковского, рассказал после встречи: «Меня поразило, как сразу изменилось его лицо, как к нему прилила кровь. Со страстью он начал говорить: “Шеф его охраны убивал людей! Разве он мог не знать этого! Мы же не дети!” До этого он был в прекрасной форме, расслабленный, остроумный. А тут сразу стал очень жестким и в то же время проявил глубокие эмоции: тема его очень задела лично»⁶. В России, где любое слово Путина не остается неслышанным, такое заявление, к тому же не первое, в разгар судебного процесса вряд ли можно считать невмешательством в судебные дела. О деле Алексея Пичугина, того самого «шефа охраны», приговоренного к пожизненному заключению при весьма сомнительной доказательной базе его причастности к убийствам и исчезновениям людей, знает еще меньше людей, чем о деле Ходорковского, что Путин неоднократно и умело использует в разговоре с «народом» и с иностранцами.

В этой истории есть что-то глубоко личное, поэтому у меня и многих других наблюдателей нет сомнений, что Ходорковский – личный узник Путина. Или, если угодно, личный узник силовой корпорации, возглавляемой Путиным.

С 2003 года Михаил Ходорковский и Платон Лебедев сидят за решеткой. За это время у них подросли дети, а у Ходорковского еще и родилась внучка. Младшей дочери Платона Лебедева было две недели, когда его арестовали. У него четверо детей от двух браков, как и у Ходорковского. Младшим детям Михаила Ходорковского в 2003 году было по четыре года, они двойняшки. В воспоминаниях Глеба и Ильи папа – вовсе не олигарх, а просто арестант.

Из восьми с лишним лет в изоляции они провели в лагере, то есть не в тюремной камере, а в специальной зоне для осужденных преступников, немногим больше года по приговору первого суда: восемь лет лишения свободы по обвинению в мошенничестве и недоплате налогов. И по приговору второго суда с середины июня 2011 года снова находятся в лагере. С Ходорковского и Лебедева власти требуют солидарно взыскать порядка 17 млрд рублей, и это при том, что одновременно был отобран и разрушен ЮКОС.

Общая сумма налоговых претензий к ЮКОСу с учетом штрафов и пеней за 2000–2003 годы составила 582 млрд рублей, а с учетом претензий к дочерним обществам – 703 млрд

⁵ Колесников А. Владимир Путин: Даю честное партийное слово // *Коммерсант*, № 158, 30.08.2010.

⁶ *«Новая газета»*, 08.09.2010.

рублей, или более \$25 млрд по тогдашнему курсу. Причем только за 2002 год налоговые претензии к компании, включая налоги, штрафы и пени, достигли 111 % валового дохода компании. По данным ЮКОСа, налоговые претензии за 2004 год значительно превысили выручку компании за тот же год. Такие невероятные суммы объясняются беспрецедентным в России уровнем штрафов, примененных к компании Ходорковского, – 40 % от основной суммы долга вместо обычных 20 %. Эти захватывающие дух цифры – крупнейшие в российской истории штрафы и пени.

Приговор Ходорковскому и Лебедеву по первому делу вынесли 31 мая 2005 года. Видимо, чтобы добить подсудимых, еще до вынесения приговора президент Путин в июне 2004 года заявил, что компанию разрушать не будут, а уже 24 июля 2004 года было объявлено о принудительной продаже нефтедобывающего предприятия «Юганскнефтегаз» (ЮНГ) – жемчужины ЮКОСа. При этом процедура банкротства в тот момент еще не была запущена. Лучший актив ЮКОСа достался государственной компании «Роснефть», председателем совета директоров которой моментально стал, разумеется, тот самый Игорь Сечин⁷.

Процедура банкротства будет запущена позднее, в 2006 году, в тот момент, когда активы ЮКОСа – и это подтверждено российскими судами – все еще превышали его обязательства, что делает процедуру изначально незаконной. Но Кремль стремился как можно быстрее стереть само название «ЮКОС» из истории, из упоминаний, из прессы. С таким же рвением стирали это название со всей продукции марки «ЮКОС», в Нефтеюганске замазывали стенды, срывали рекламу, меняли униформу и на билбордах поверх замазанного «ЮКОС» писали «Роснефть». Законность или незаконность происходившего определялась уже не в судах, а только в одном месте и одним человеком: в Кремле, Путиным.

Даже у не симпатизирующих Ходорковскому сторонних наблюдателей возникли сомнения: действительно ли дело в недоплате налогов или это, в сущности, политическая история с ярко выраженной коммерческой составляющей? В конце концов, государство каждый год, точнее, несколько раз в год проверяло ЮКОС. Откуда взялись эти миллиарды недоплаченных налогов? И почему не наказаны налоговики, которые или фальсифицировали отчетность, или плохо работали? И если государство действительно хочет получить с нефтяной компании недоплаченные налоги, то просто глупо ее гробить на волне поднимающейся цены на нефть. И уж точно не стоит обескровливать компанию, отнимая у нее в счет погашения задолженности лучший актив, если есть и другие активы и все еще есть деньги на счетах. Если, конечно, дело в налогах. А вот если дело не в налогах, а в том, чтобы устранить собственников и завладеть их активами, тогда точно надо сажать владельцев, выдвигать несоизмеримые требования, отнимать лучший актив, дербанить компанию на части и разбирать по знакомым. Даже не национализировать (поскольку в таком случае государство платит компенсацию), а фактически экспроприировать в интересах узкой группы «физических лиц», которые «многие годы занимаются бизнесом в сфере энергетики», как прокомментировал сам Путин смену собственников ЮНГ во время своего визита в Германию в декабре 2004 года. Фактически президент лукавил, поскольку через подставную фирму один из лучших нефтяных активов в стране оказался в собственности госкомпании «Роснефть». Но по сути он сказал правду: этот актив оказался под прямым контролем по крайней мере одного сильно приближенного к Путину физического лица – Игоря Сечина.

Запад съел эту историю, не поперхнувшись. Сначала Путин одним окриком пресек довольно хилые, надо признать, попытки российских предпринимателей встать на защиту коллеги. Потом пригласил к себе иностранных инвесторов и успокоил: Ходорковский – это особый, единичный случай. Довольно точно реакцию Запада на первое дело против Ходорковского и Лебедева охарактеризовал Эрик Берглоф, директор Стокгольмского института

⁷ 23 мая 2012 г. Игорь Сечин был назначен президентом компании «Роснефть». – Прим. ред

переходных экономик: «Международный бизнес удивительно быстро подписался на официальную версию дела Ходорковского, которую предложили власти России. Да, они, возможно, не в восторге от того, как проходил сам судебный процесс, но они приняли объяснение, что Ходорковский, безусловно, является преступником. Конечно, мы привыкли к тому, что деловые люди могут быстро менять свое мнение, но то, с какой скоростью они проделали на этот раз, просто поразительно. Это прагматизм в чистом виде и высочайшей концентрации... Полагаю, что (западный) бизнес теперь будет стараться работать в России с государственными, а не с частными структурами, особенно в сырьевых областях. К тому же мы видим, что само российское правительство все более активно пытается утвердить себя как главного игрока на этом рынке. В таких условиях более тесное взаимодействие с государством является вполне естественной реакцией для западного бизнеса»⁸.

Поскольку в отличие от других российских нефтяных компаний ЮКОС в 2002-м раскрыл структуру собственности, то владельцы, у которых отняли компанию, известны поименно. Большею частью акций ЮКОСа владела Группа МЕНАТЕП, акционерами которой были семь физических лиц: Михаил Ходорковский (контролировал 59,5 % акций), Леонид Невзлин (8 %), Платон Лебедев (7 %), Владимир Дубов (7 %), Михаил Брудно (7 %), Василий Шахновский (7 %). Я отлично помню этот список с соответствующими долями около каждой фамилии, поскольку он был опубликован в газете «Коммерсант», где я тогда работала, и стал сенсацией. Ни одна такого уровня компания России до этого не «открывалась». Кто-то неназванный скрывался за цифрой 4,50 %, около этой цифры фамилии не было. Позже узнала, что этим инкогнито был Алексей Голубович, который ушел из компании в 2001 году, но оставался акционером.

И вот как любопытно сложилась судьба акционеров. Двое в тюрьме – Ходорковский и Лебедев. Четверо – за границей. Они уехали по согласованию с Ходорковским, некоторые еще до его ареста, другие уже после. Ходорковский, очевидно, надеялся сохранить компанию и контроль над ней собственников, пусть даже из-за границы. А Голубович – единственный из акционеров, кто согласился свидетельствовать против Ходорковского.

В общей сложности по делу ЮКОСа в той или иной форме российской прокуратурой преследовались и преследуются более 60 человек (как сотрудники ЮКОСа, так и нет), включая всех акционеров, за исключением Голубовича, который спокойно может жить и продолжать заниматься бизнесом в России.

Платона Лебедева после приговора по первому делу отправили в колонию в поселке Харп Ямало-Ненецкого округа. Это – Западная Сибирь, 60 километров за полярным кругом, восемь месяцев в году зима с морозами до минус 59, а летом температура поднимается до плюс 30.

Ходорковского сослали в Краснокаменск. Это Забайкальский край, Восточная Сибирь, до китайской границы – 90 километров. От административного центра – Читы – Краснокаменск отделяют почти 600 километров. От Москвы до Читы лететь шесть часов. Недалеко от места, где возникла Краснокаменская колония, в 60-е годы прошлого века обнаружили залежи урана. Добыча и переработка, крайне вредные для здоровья, требовали рабочей силы. Отсюда и колония, и не стоящая ничего жизнь заключенных. Сейчас заключенных не используют на рудниках, открытая разработка вроде бы законсервирована, хотя отвалы не законсервированы, неподалеку стоят тележки для вывоза урана, на которых табличка: «Осторожно, радиоактивно!» Закрытая разработка продолжается. И колония осталась на том же месте: около тысячи заключенных, сидят они в основном за кражи, от трех до пяти лет.

За вычетом года и девяти месяцев в колонии (на январь 2012 года), все остальное время, то есть более шести лет, Ходорковский и Лебедев находились в тюрьме – сначала в

⁸ Радио «Свобода», 31.05.2005.

Москве, потом в Чите, а затем снова в Москве, в Матросской Тишине, в разных корпусах, в гораздо более жестких условиях содержания, нежели в колонии. Ходорковский не жаловался на условия и рассказывал о бытовых подробностях неохотно.

МБХ: Здесь, в СИЗО 99/1, в бытовом плане – «шоколад», даже по сравнению с Читой, где специально под нас с Платоном Лебедевым делали блок.

Нас трое (обычно четверо). Камера – метров 16–18 (с учетом санузла). Санузел выделен загородкой (не до потолка и без двери) с занавеской. Там обычный унитаз, раковина с горячей и холодной водой. Все достаточно новое и чистое. Телевизор (небольшой), холодильник (старенький, но хороший), вентилятор. Четыре койки в два яруса. Металлические. Как в купе поезда, но металл. Окно заклеено непрозрачной пленкой, две решетки (до и после стекла). Форточку можно открывать. Душ раз в неделю. Все чистое. Белье (постельное) меняют. Оно тоже старенькое, но чистое.

Ларек раз в месяц. Без «яств», но все есть. Молоко, кефир, сметана, яблоки, морковь, апельсины и т. д. Это единственное, что в других тюрьмах лучше, так как там больше «сидельцев» и есть «заинтересованные лица». Кроме этого – передачи из дома, но там почти ничего нельзя, а что можно, то безжалостно «шинкуют». Так что одно удовольствие – что из дома. Но это очень важно.

В суде без питания, иначе в сон клонит. Ем вечером. Прогулки – два раза в неделю по одному часу (из-за судов). Гуляю, как кот, на крыше нашего корпуса. Но сверху еще один навес, так что без солнца. Увы. Играет радио. Зверю от попсы и идиотских «писем в эфире».

Работать не мешают, только с доступом к информации беда.

Телефоны в этой тюрьме администрацию пугают куда больше, чем портрет Путина на туалетной бумаге. Проверено, правда, не мной.

Обыски каждый день – и личный, и в камере. Вежливо, но подробно. В общем – образцовая тюрьма.

Меня не «прессуют», и вообще здесь этого не любят. Если надо «прессануть» – вывезут. Примеры есть. Назад примут уже без синяков.

Ночью свет горит.

Тюремная кормежка – дерьмо. То есть, не сомневаюсь, жиры и углеводы в норме, но готовят... Так что берем ее редко, хотя бывает. Но это блажь. В лагере жил на той самой «баланде» – и ничего. Правда, на воздухе. Баланда и камера – думаю, было бы тяжело.

Второй судебный процесс над Ходорковским и Лебедевым начался 3 марта 2009 года. На сей раз им пытались публично, в открытом процессе, втолковать, что в промежутке между 1998 и 2003 годами они «в составе организованной преступной группы» украли сами у себя 350 млн тонн нефти. А они, изучив 188 томов уголовного дела, пытались в суде выяснить, что же именно имеет в виду обвинение и как оно себе это представляет.

Разумными эти обвинения счесть довольно затруднительно. Для сравнения: вся годовая добыча нефти в России в 2001 году составляла 341 млн тонн, а суммарная цифра добытой ЮКОСом и его тремя дочерними предприятиями нефти за указанный в обвинении период, по официальным данным, 345,44 млн тонн. То есть, по версии обвинения, господа стырили все, что добыли, и еще чуть-чуть, что в денежном эквиваленте сопоставимо с выручкой компании за те же годы. В 2003 году ЮКОС по добыче вышел на первое место в стране с результатом 80,75 млн тонн, это около 20 % всей добытой в России за год нефти. Получается, что

Ходорковский и Лебедев каким-то незаметным для окружающих, в том числе для правительства, образом украли 20 % российской нефти. Причем у самих себя. Или в правительстве сидят идиоты, или идиоты сидят в прокуратуре. При всем желании невозможно физически украсть 350 млн тонн нефти и чтобы при этом компания продолжала получать прибыль и выплачивать дивиденды. К тому же под чутким присмотром аудиторов и налоговиков.

Если считать новые обвинения разумными или не лишенными основания, то это автоматически отменяет приговор по недоплаченным налогам, то есть по первому делу, по которому подсудимые уже отсидели полный срок. Потому что если они так виртуозно все сами у себя украли, то на что по первому обвинению за все те же годы начислялись и доначислялись миллиардные налоги, и с чего они не доплатили налоги, и вообще, за что сидят-то? Обвинения по второму делу противоречат не только части обвинения по первому, но и официальной позиции Российской Федерации в Страсбурге («ЮКОС против РФ»).

«Базовая конструкция здесь такая: если первое дело, за неуплату налогов, повлекло довольно суровое наказание, то, безусловно, тот бизнес, с которого не были уплачены налоги, был легальным, он не может рассматриваться как хищение, воровство и т. д.»⁹, — вполне логично заметил председатель Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин.

Бывший на момент ареста Ходорковского премьер-министром Михаил Касьянов, выйдя из зала суда, где он летом 2010 года выступал свидетелем со стороны Ходорковского и Лебедева, сказал, что кража 350 млн тонн нефти — это абсурд, «они издеваются, когда заставляют серьезно это обсуждать». Дважды председатель Центрального банка России и председатель совета директоров ЮКОСа (в 2004 году) Виктор Геращенко в суде выразился еще конкретнее, назвав новые обвинения против Ходорковского и Лебедева «чушью собачьей». Ни бывший министр экономического развития, а ныне президент и председатель правления Сбербанка Герман Греф, ни бывший заместитель председателя российского правительства, и позднее (вплоть до 31 января 2011 года) министр промышленности и торговли Виктор Христенко, вызванные свидетелями в суд по настоянию защиты Ходорковского, никогда не слышали о том, чтобы в России пропали 350 млн тонн нефти. В вызове в суд премьер-министра Путина, его заместителя Игоря Сечина и министра финансов Алексея Кудрина, с которыми нынешний заключенный Ходорковский неоднократно общался по делам лично, судья Виктор Данилкин отказал.

График появления уголовных дел против Ходорковского и Лебедева определяется не вновь открывшимися обстоятельствами, не логикой расследования, которая очевидно отсутствует. Не стоит заблуждаться: если бы произошло чудо и провалилась история с якобы украденными 350 млн тонн нефти, то появилась бы какая-нибудь другая, не менее экзотическая история и был бы новый процесс.

На мой взгляд, судьба этих двух бизнесменов зависит, в сущности, от простой вещи: поверит ли Путин, что, оказавшись на свободе, они не будут представлять опасности для тех людей, которые отдали приказ их посадить, и для тех людей, которые завладели активами ЮКОСа. Это — одни и те же люди. И ставки реально высоки. Государственная компания «Роснефть», владеющая ныне лучшими активами ЮКОСа, в мгновение ока из весьма посредственной вышла в лидеры рынка. Сравните: с 1998 до 2003 года показатели по добыче нефти этой компании выросли с 12,5 до 19,6 млн тонн в год. А в 2005-м она показала результат 74,6 млн тонн за год. Что произошло в 2004-м? Да, «Роснефть» получила «Юганскнефтегаз». Ходорковский в интервью *Sunday Times* в мае 2008 года прямым текстом назвал председателя совета директоров «Роснефти» Игоря Сечина организатором «наезда» на ЮКОС и

⁹ «Интерфакс», 31.03.2009

его владельцев: «Он организовал первое дело против меня из жадности, а второе – из трусости».

В самом конце 2011 года Совет по правам человека при президенте России представил независимую экспертизу по второму уголовному делу против Ходорковского и Лебедева. Эксперты рекомендовали президенту Медведеву инициировать пересмотр дела. Они мотивировали это отсутствием правовых оснований обвинения бизнесменов, нарушением принципа презумпции невиновности и обвинительным уклоном суда.

Преследование Ходорковского странным образом совпадает с политическими циклами в России. Его арест в 2003 году, в предвыборный год, обеспечил Путину популистский успех у народа, не любящего богатых. Это помимо всех остальных плюсов данного силового мероприятия: лояльности напуганного бизнеса, уничтожения демократической оппозиции, от которой после истории с Ходорковским все спонсоры шарахались, да и сегодня шарахаются, как от чумы.

К следующим выборам – 2008 года – Ходорковскому и Лебедеву предъявили новые обвинения. И опять в предвыборный 2007 год. Власть отлично помнила, что в 2011-м у обоих заключенных заканчивается срок по первому делу. А это снова предвыборный год: в 2012-м – президентские выборы, причем уже по новой схеме, предусматривающей увеличение президентского срока до шести лет. Судебный процесс начался после выборов, в 2009-м.

Мне очевидно, что Ходорковский, которого Путин рассматривает в том числе как политического противника, не должен был выйти из тюрьмы до выборов, поэтому и возникло второе дело. Абсурдность обвинений была второстепенна по отношению к поставленной задаче: Ходорковский не должен выйти на свободу. Никогда? Возможно. На мой взгляд, как минимум до тех пор, пока Путин находится у власти, и, как мне кажется, не раньше, чем будет проведена приватизация «Роснефти».

Для того чтобы держать его в изоляции и после формального окончания срока по первому делу в октябре 2011 года, нужен был новый приговор. А значит, новый процесс. Show must go on.

Абсурдность обвинения предопределила абсурдность процесса и временами неадекватное поведение некоторых обвинителей. Самая большая проблема даже не в плохом знании материалов ими же представляемого уголовного дела. Их проблема в недостаточном понимании сути того, за что они взялись судить «нефтяных баронов». И если обвиняемые за семь лет заключения отлично освоили юриспруденцию, то обвинители так и не смогли разобраться в том, чем скважинная жидкость отличается от нефти, кому принадлежит нефть, когда она попадает в государственную транспортировочную трубу «Транснефти», как формировалась и формируется цена на нефть на внутреннем рынке и на внешнем и почему, собственно, внутренняя цена ниже цены в Роттердаме, что и вменяется в вину Ходорковскому и Лебедеву. И если задаешь прокурорам простой вопрос: хотели бы вы при все еще очень низком уровне доходов в России платить не около €1 за литр бензина, как платят у нас сейчас, а ближе к двум, как в Европе, они искренне удивляются: при чем тут это? Жуткая проблема: прокуроры обвиняют в том, в чем сами не разбираются, тех, кто отлично в этом разбирается. И у них это получается, разумеется, не очень удачно.

Доходит до смешного: прокурор читает в документе английское слово «oil» как несурзное «ноль-один». При этом оппонирует профессионалу, который тут же в процессе читает лекции о нефти, ценообразовании, вертикально интегрированной компании, системе добычи и транспортировки. В итоге половина присутствующих в зале суда начали разбираться в нюансах нефтяного бизнеса и бухгалтерских отчетах лучше прокуроров. И что делает в такой ситуации прокурор Лахтин, главный спикер со стороны обвинения? Ведет себя как ученик, который плохо выучил урок: агрессивно защищается. То есть повышает голос, хамит, отклоняет и оскорбляет специалистов, вызванных адвокатами, обвиняя их в

некомпетентности, небескорыстности или недостаточном знании материалов дела, которые они вообще-то и не должны знать.

Судья Виктор Данилкин не останавливает прокуроров, когда они оскорбляют экспертов и свидетелей, и подозрительно часто соглашается с позицией обвинения. А что делают те немногие министры, которых судья все же согласился вызвать свидетелями в суд? При всей изворотливости чиновничьего ума они вынуждены говорить правду – и таким образом свидетельствуют против обвинения и в пользу Лебедева и Ходорковского – личного врага Путина, в чьем правительстве они работают.

«Чистый Кафка, – задумчиво сказала моя иностранная подруга, отлично знающая русский, походив три дня на процесс. Потом закурила и добавила: – Такой русский Кафка... То есть Кафка бы обрадовался, что его абсурд можно еще и усовершенствовать и довести до такого сверхабсурда».

Этот русский Кафка продолжался почти два года. Каждый день, кроме среды, субботы и воскресенья, Михаила Ходорковского и Платона Лебедева поднимали в 6.45, а иногда раньше, обыскивали, сажали в специальную машину с двумя металлическими капсулами – отдельно для Ходорковского и отдельно для Лебедева – и под конвоем везли из тюрьмы Матросская Тишина в Хамовнический суд. Эту машину сопровождала другая машина с бойцами спецподразделения для охраны заключенных под названием «Сатурн», за что в народе их прозвали «инопланетянами». Довольно часто заключенные успевали только побриться, на завтрак времени не оставалось. Если в Москве пробки, а в Москве пробки всегда, то дорога от тюрьмы до суда могла занимать до двух часов. Если, не дай бог, случилась бы авария, то шанс обвиняемых выжить в этих металлических тисках стремился к нулю.

Каждый день из тюремной камеры, а затем из тюремной машины их пересаживали в «аквариум» в зале суда (стеклянно-металлическая конструкция размером примерно 3×1,5×2 метра с задвижкой, замком и цепью), где они проводили большую часть дня с перерывом на обед и короткими перерывами по требованию сторон. Прекрасный российский актер и режиссер Сергей Юрский, который несколько раз приходил в суд, посмотрел на судебное действие глазами режиссера и отметил неслучайность именно так выстроенной мизансцены: «Для меня больше невозможно выдерживать наличие этого “шкафа”, унижительность мизансцены, которая, мне кажется, мешает процессу. Человек, глаза которого спрятаны, который говорит в щель и вынужден говорить полусогнувшись, – это чудовищное унижение, позорящее процесс».

С начала второго процесса суд не уходил в отпуск. Все это время обвиняемые практически не бывали на воздухе, не получали горячий обед. В «аквариум» каждый из них приносил с собой бутылку воды. Ходорковский довольно часто жевал жвачку, чтобы перебить чувство голода. Иногда он держался за голову – случались головные боли. Должна признаться, что для такого режима жизни оба обвиняемых выглядели в общем недурно. Правда, Платон Лебедев заметно похудел (он в свое время перенес гепатит, и у него проблемы с печенью). Оба бледные, не помолодевшие, разумеется, за эти годы, проведенные в основной в тюремной камере. Страдающие от недостатка солнца и движения. Но без следа уныния. Подтянуты, всегда опрятно одеты, чисто выбриты. Оба ясно мыслят, отлично излагают, задают точные вопросы, делают точные замечания. И сохраняют чувство юмора, что особенно впечатляет.

На скамье подсудимых – интеллектуалы, отлично образованные, с прекрасной памятью, помнящие наизусть страницы дела, профессионально разбирающиеся в той тематике, о которой идет речь: от нефтедобычи до финансовой деятельности компании. Им противостоят четыре прокурора, ни один из которых не достигает уровня компетентности обвиняемых. Они представляют государство, которое выглядит в их лице паршиво. Государство представляет и судья, про которого все понимают, что он будет тем человеком, который лишь

формально зачитает приговор. Выносить его будут другие люди, те, кто все это придумал и от кого зависят карьера, зарплата, будущее прокуроров и судьи.

Любопытно, что в зале суда три видеокамеры под потолком. Ни в одном другом судебном зале Хамовнического суда я таких камер не увидела. Одна направлена на судью, вторая – на прокуроров и третья – на подсудимых. Процесс явно пишется целиком. Время от времени камеры транслировали изображение в нижний зал для прессы. Не знаю, где еще просматривали эти записи, но очевидно, что, как в оруэлловском романе «1984», и судья, и прокуроры все время помнят, что «старший брат» не спит и все видит. Ну или должны об этом помнить.

Обвинения, предъявленные Ходорковскому и Лебедеву, считаются недостаточно тяжелыми, чтобы дело было передано суду присяжных. Не уверена, что при том уровне классовой ненависти к богатым в России, которая проскальзывает даже в некоторых репликах прокуроров, суд присяжных был бы объективным, но совершенно очевидно, что влиять на суд присяжных сложнее, чем на одного судью. При этом по «недостаточно тяжелым» обвинениям Ходорковскому и Лебедеву светили максимально 22 года заключения, а после признания (во время процесса) «гуманизационных» поправок Медведева – 15.

Опасность этого процесса в том, что он создавал видимость полноценного судебного разбирательства, но таковым не является по сути. Да, в зал № 7 мог зайти каждый, просто человек с улицы, и посмотреть на происходящее. Но судья поразительно часто практически дословно соглашался с порой совершенно лишними смысла доводами обвинения или вообще не мотивировал свои решения («суд не усматривает законных оснований»). И слишком часто игнорировал совершенно логичные доводы защиты. И способен просто забыть об изменениях в законодательстве, которые облегчают судьбу обвиняемых. Так, судья сделал вид, что не было президентских поправок, запрещающих держать под стражей обвиняемых в экономических преступлениях ровно по тем статьям, по которым сидят Ходорковский и Лебедев и еще тысячи их коллег, обвиняемых в экономических преступлениях. Ходорковский объявил голодовку, как бы один за всех экономических обвиняемых страны, не отказываясь при этом участвовать в процессе. Президент Медведев и председатель Верховного суда страны Вячеслав Лебедев тут же дали понять через прессу, что они в курсе событий. Ходорковский прекратил голодовку, а страна узнала, что президентские поправки просто не работают и игнорируются судьями. Это не помешало судье Данилкину продлить срок ареста Ходорковского и Лебедева и повторить этот номер снова через три месяца. Эти двое остаются «особыми» обвиняемыми, к которым законодательство применяется (или не применяется) «особым» образом.

В отличие от первого суда, когда Ходорковский, видимо, боясь навредить в первую очередь сотрудникам ЮКОСа и самой компании, которую все еще надеялся спасти, не был готов выходить за чисто правовые рамки, на этом суде он дважды подчеркивал политический характер преследования: в самом начале процесса и в своем последнем слове. Свое выступление во втором процессе он начал политическим заявлением вопреки попытке прокурора прервать его. Подтвердив, что не признает себя виновным, Ходорковский сказал: «Я считаю, что данный судебный процесс политически и коррупционно мотивирован. Он вызван опасениями моих оппонентов по поводу моего выхода на свободу. Политическая мотивированность заключается как в неприятии поддержки мной независимой оппозиции, так и в желании присвоить возможности, проистекавшие из моего права собственности на крупнейшую и наиболее успешную российскую нефтяную компанию ЮКОС».

Власть боится и не верит, что, оказавшись на свободе, Ходорковский не будет мстить, не попытается вернуть собственность, не станет «графом Монте-Кристо». Власть не верит, хотя Ходорковский не раз и не два говорил публично, что закрыл эту страницу своей жизни, что у него совсем иные планы на будущее. Я верю, что у него иные интересы и планы, я не

думаю, что он намерен мстить, но уверена, что Ходорковский не забудет и не простит эти годы, вычеркнутые из его жизни по чужой воле.

Очевидно, режиссер, придумывавший это шоу, переоценил обвинение и недооценил обвиняемых. Открытый суд в Москве превратился в открытый фарс. И в этой ситуации выносить обвинительный приговор было как минимум гораздо сложнее, чем несколько лет назад. К тому же авторы процесса не могли предвидеть и учесть все обстоятельства: кризис, падение цен на нефть, падение российской экономики, падение на этом фоне доверия к власти и правоохранительной системе, природные катаклизмы, с которыми власть не справляется, рост протестных настроений в стране, изменение тактики поведения подсудимых, подключение международных судов, принявших иски по делу Ходорковского и Лебедева, а также иски к России, в том числе материальные, акционеров за пределами страны, постепенный, но уверенный рост симпатий к обвиняемым в общественном мнении внутри страны и за рубежом. В зале суда все чаще появлялись известные всей стране актеры, музыканты, художники, писатели, международные наблюдатели, иностранные и оппозиционные отечественные политики, звезды телевидения, правозащитники.

На втором году процесса стало как-то очень очевидно, что у долгоиграющего проекта «Ходорковский за решеткой» нет менеджера. Решение не принято. Процесс затягивался. Власть как будто не знала, что делать и как выходить из ситуации, в которую она сама себя загнала. Иллюзий, что обвиняемых оправдают, не было. У меня по крайней мере. Процесс не освещался ни одним из центральных телеканалов, то есть весь маразм был очевиден лишь публике, ограниченной количеством мест в небольшом зале № 7 Хамовнического суда. И было ясно, что страна не вздрогнет ни от какого приговора, поскольку страна процесса не видит и не следит за ним.

Судья Данилкин должен был начать оглашение приговора 15 декабря 2010 года. Но адвокатов и прессу встретила записка на дверях Хамовнического суда: оглашение откладывалось до 27 декабря. Недурно придумали, если учесть, что под Новый год пресса уходит на каникулы. Владимир Путин дал 16 декабря пресс-конференцию, в которой вынес свой приговор Ходорковскому и Лебедеву, не дожидаясь приговора суда. В прямом телерадиоэфире он заявил: «Я, как известный персонаж Владимира Высоцкого, считаю, что вор должен сидеть в тюрьме, а в соответствии с решением суда Ходорковскому вменяется в вину хищение, достаточно солидное. Речь идет об уплате налогов и мошенничестве, и счет идет там на миллиарды рублей». Правда, Путин все же оговорился, что «есть суд» и «это его работа» и что он исходил из того, что доказано судом.

После этого его выступления никаких сомнений в том, какой приговор вынесут Ходорковскому и Лебедеву, не осталось даже у самых неисправимых оптимистов, надеявшихся, видимо, на Медведева, тогда еще президента.

Ходорковский был и остается заложником решения одного человека до тех пор, пока этот человек остается на политической сцене. И Путин даже как-то не особенно это скрывает.

Через полтора месяца после объявления обвинительного приговора Ходорковскому и Лебедеву помощница судьи Данилкина Наталья Васильева дала интервью прессе, в котором утверждала, что «приговор был привезен из Мосгорсуда», то есть что судья был не самостоятелен в своем решении по делу.

Судьба отвела Ходорковскому страннейшую роль, о которой, уверена, он не мечтал. Его судьба, как и судьба диссидента – академика Сахарова в свое время, станет, может быть, единственным реальным индикатором политического выбора России. Горбачев вернул Сахарова из ссылки тогда, когда вся страна вместе с культовым рок-певцом Виктором Цоем пела «Мы ждем перемен». Это была вторая половина 1980-х. Был общественный запрос на перемены, но, чтобы поверить в то, что власть настроена на перемены не только на словах, но

и на деле, обществу нужен был знак. Тогда Горбачев позвонил академику и пригласил его вернуться в Москву.

На девятом году пребывания Ходорковского в тюрьме такой запрос только-только вновь начинает появляться. Он пока слабый. Люди начинают выходить на улицы с требованиями соблюдения Конституции, честных выборов, с конкретными проблемами своего региона, города, района. Они только начинают открыто говорить о недостатках эпохи Путина, которую как-то уже привыкли в последние годы превозносить как эпоху стабильности. Но даже эти слабые знаки возрождения гражданского общества сталкиваются с жесткой реакцией со стороны российской власти, культивирующей в себе ужас перед цветными революциями. Страх – одна из основных характеристик российского режима при Путине. Он опасается собственного народа и опасается появления сильного лидера. На мой взгляд, Путин боится Ходорковского в том числе и потому, что тот обладает ярко выраженными лидерскими качествами и харизмой, которых так не хватает российским оппозиционерам.

Прекращение уголовного преследования Ходорковского – это больше чем частная судьба одного человека. Это знак того, какой политический проект выбирает российская власть на ближайшие годы. Привычный и деградационный для страны силовой или, как модно теперь говорить, модернизационный и интеграционный. Иного, более точного индикатора, чем судьба Ходорковского, ни у нас, российских наблюдателей, ни у западных нет.

Стратегическое мышление никогда не было сильной стороной Путина. Ходорковский, которого он вроде бы нейтрализовал, засадив в тюрьму, вот уже восемь с лишним лет остается одним из ключевых ньюсмейкеров в стране, несмотря на полную блокаду со стороны основных российских СМИ. Более того, бизнесмен с минимальным рейтингом узнаваемости в 2003 году превратился за годы заключения в одного из важнейших персонажей на политической сцене страны. Не думаю, что холодным октябрьским утром 2003 года Путин именно так представлял себе будущее Ходорковского.

Глава 1

Борисыч. Чужой, но заслуживающий уважения

Михаил Ходорковский

10

Хочу заметить, рассказывая о колонии, что пробыл я в ней сравнительно недолго: с октября 2005-го по декабрь 2006 года, после чего меня этапировали в СИЗО г. Читы, а затем, в феврале 2009 года, обратно в СИЗО 99/1 г. Москвы.

Вообще, в бытовом отношении колония намного лучше тюрьмы. В тюрьме ты весь день, кроме одного часа прогулки, заперт в маленькой комнате с одними и теми же людьми. В колонии – наоборот: в бараке и на территории бурлит жизнь, гулять можно, пока не надоест. Солнце, которого в тюрьме не видишь, небо, зелень летом – все это очень важно для человека. Но особенно остро начинаешь ощущать нехватку подобных простых вещей где-то через год. Да и здоровье, несомненно, очень подрывается: глаза, мышцы, иммунитет... В человеке все системы не предназначены для казематов, они громко «протестуют», особенно у совсем молодых.

Переезд из тюрьмы в колонию – отдельная песня. Куда – секрет. Сколько ехать – секрет. Один в «столыпинском» вагоне плюс куча конвоиров. Один все время стоит напротив и смотрит, не отводя взгляд. На первой же остановке (через час) объявление из станционного репродуктора: «Поезд Москва – Чита отправляется со второго пути». Вот и все секреты.

Шесть суток за книгами (их с собой целая сумка), и – «привет, Краснокаменск!».

Выход из вагона – в автозак, но без традиционных собак. Любопытные взгляды местных сержантов.

Зона. Вход «вдоль строя» – лающие шавки и придерживающие их солдаты из роты охраны. Мне смешно и любопытно.

Встречает группа офицеров. Требуют снять шапку и представиться. Снимаю, хотя требование – незаконное, я это знаю, закон выучил наизусть, но не хочу противопоставляться по мелочам.

Проходим в здание ШИЗО; потом я стану его частым посетителем. Обыск. Отъем всего, что «не положено» в этой конкретной зоне. Не спорю, да и нет ничего особо важного. Книги, тетради оставили, только пролистали – это главное.

Спустя несколько дней – «распределение». Комиссия во главе с начальником лагеря: «Ты кто по жизни?» Замечание не делаю, но смотрю недоуменно. Переходит на «вы»: «Со временем разберемся».

– Какими профессиями владеете, чем хотите заниматься?

– Готов преподавать, имею несколько рабочих специальностей.

– Мы вам предлагаем работу в швейном цеху и не рекомендуем отказываться...

Спустя несколько месяцев молодые ребята из оперотдела (они вообще почти все – дети) расскажут: мы, мол, хотели вас отправить в пекарню, которая отгорожена от лагеря, чтобы не иметь проблем, но позвонили из Москвы и сказали направить в швейный цех.

Специальность швейника требует обучения. Я посмотрел оборудование и решил – ловушка. Норму на таких машинках сделать нельзя, качество шва – дерьмо. Подставят.

Написал первую жалобу со ссылкой на зрение и «не сдал» экзамен, предупредив: если сфальсифицируете – устрою скандал.

¹⁰ Глава написана во время второго процесса.

Первая реакция очевидна: плевать на зрение, плевать на экзамен. Работайте.

Замечу, через три года, во время суда по УДО начальник колонии (уже другой) прямо заявил судье: «Мне “поручили” перевести Ходорковского на строгие условия содержания, но он своими жалобами и судами не дал мне этого сделать».

Ах так? Пишу три жалобы: начальнику колонии, прокурору и... в Гоструднадзор.

Инженерное образование, опыт работы на заводе и стройотрядовское прошлое позволяют на двух листах изложить перечень нарушений техники безопасности, требующих до их устранения остановки производства.

Вежливо отдаю начальнику.

Через два дня назначен на должность комплектовщика (грузчика) в этом же цеху. Устраивает. Это работа повременная и без нелепого оборудования: качество гарантирую как результат работы собственных рук.

Вызывает начальник колонии – «поговорить». Понимаю: получил приказ, хочет прикинуть, как исполнять. Говорю прямо: когда вам скажут меня «гнобить», нам лучше договориться «как», чтобы и вы отчитались, и я на вас зла не держал.

Очень ему хотелось договориться, но то ли не решился, то ли счел меня слабым и попытался справиться сам.

Взыскание, еще одно, штрафной изолятор (ШИЗО), и я – в суд. У администрации – шок. Назначается судебное заседание в колонии. Приезжает председатель городского суда. Вызывают «свидетеля» из числа заключенных. Я готов ко всему. Опыт «басманного правосудия» уже есть.

Вдруг свидетель тычет пальцем в лицо начальнику оперотдела и говорит суду: «Он заставлял меня врать, дал сигареты. Вот они. Но я скажу правду».

Снова шок. Уже и у меня. Нервы не выдерживают. Беру себя в руки.

Судья – начальнику: «Если накажете свидетеля – дам ход протоколу. Взыскание – отменить».

Так и повелось: взыскание – ШИЗО – суд – отмена взыскания... В промежутках – работа на швейке, общение с колонейской публикой.

Публика разная: от неграмотных чабанов из соседних («всего» километров 300–400) сел до шахтеров с урановых рудников, имеющих среднее техническое образование. От абсолютно обычных, законопослушных граждан до «перспективных» лидеров преступного мира. От абсолютно нормальных людей и до полных отморожков, получивших по малолетке 10 лет за серийные убийства и досиживающие эту десятку во взрослой колонии без понимания, что следующее убийство будет стоить ПЖ. Про моральные ограничители и говорить не приходится.

Вот такая причудливая смесь, постоянно перемешиваемая в одном котле и удерживаемая в меньшей степени непосредственно администрацией или лидерами преступной среды, а в большей – общим пониманием пределов допустимой личной свободы, ощущением некой общности и взаимозависимости.

По-настоящему асоциальные личности в колонии – редкость, и вот они как раз «купируются» администрацией и коллективом. Методы, естественно, разные – от отселения в специально создаваемые «гетто» до «тяжких телесных».

Мое положение в этом смысле было совершенно особым.

Начнем с того, что мне «общество» более чем за год не подобрало «масть». Там же достаточно простые критерии: «сотрудничаешь» с администрацией – «красный», «навязываешь свое», «страдаешь» – «черный». Работаешь и подчиняешься «авторитетам» – «мужик». Не работаешь, заставляешь прислушиваться к себе, отстаиваешь идеи независимости личности от государства – «авторитет».

Я же и работал, и общался с администрацией на любом уровне, но при этом сидел в ШИЗО больше, чем любой, а в «стукачестве» никому даже в голову не приходило меня заподозрить. Разговаривал со всеми представителями «блаткомитета», но никогда и ни в чем им не подчинялся.

В конце пребывания в лагере у меня был интересный разговор с одним из наиболее уважаемых представителей тамошней «теневого администрации». Его должны были «забирать на этап» в лагерь под Благовещенском, где содержат таких людей и их ломают. Он знал, что его ждет, и шел на это с открытыми глазами, отстаивая свою идеологию и свое видение мира, которое я бы оценил как примыкающее к кропоткинскому, анархическому.

Очень глубокий человек, несмотря на свои неполные 30 лет и среднее образование. Человек, несомненно, волевой и убежденный.

Он сказал мне, что в обычной жизни мы, безусловно, были бы врагами, поскольку моя цель – сильное государство – противоположна его цели, но сейчас и он, и я боремся с несправедливым государством, просто методы борьбы у нас разные.

Вероятно, это – квинтэссенция отношения ко мне в лагере: чужой, но заслуживающий уважения.

Меня это устраивало, как устраивало и обращение «Борисыч», его выражавшее. Хотя, конечно, это – наиболее общий взгляд. Частностей тоже хватало.

В бараке, где мне отвели место, было от 70 до 100 человек (в разное время). Они не очень задерживались: три – шесть месяцев – и перевод (такой специальный, транзитный барак).

Если кто подходил ко мне открыто, то либо «шпион» администрации, либо человека отправляли в ШИЗО под каким-нибудь предлогом.

Конечно, смешно смотрелось, но именно так администрация стремилась «держать меня под контролем» и организовывать мой круг общения.

Ну и «доорганизовывалась». Проблема в том, что с администрацией в таком виде сотрудничают в чем-либо ущербные люди, имеющие какие-то «нелады» с коллективом (реальные или надуманные).

Один из таких «деятелей», которого оперотдел поселил в бараке рядом, крайне боялся перевода в другой барак, где содержался его недруг. Его этим шантажировали, и в какой-то момент он для себя решил, что лучший способ избавиться от давления – перевестись в другой лагерь. Задача непростая, но он нашел интересный путь (надо заметить, завершившийся частичным успехом) – ударить меня ножом. И ударил ночью, во сне, в лицо. Хотел попасть в глаз, но промазал в темноте и просто распорол лицо. Кровищи натекло...

Воспользовавшись предлогом, многомудрое начальство решило сделать меня изгоем и поместило в одиночную камеру, объявив всем, что я попросился в «безопасное место», испугавшись за свою жизнь.

Такого допускать было нельзя.

«Безопасное место» – прямой путь на кладбище, в прямом и в переносном смысле. Потом любой выход в «зону» или на этап делается смертельно опасным, да и на самом «безопасном месте» бывают «неожиданности».

Помирать – так с музыкой. Объявляю «сухую голодовку». Вторую за время пребывания в тюрьме. Первая была в Матросской Тишине, когда Платона кинули в карцер. Шесть дней. Когда его выпустили, я был на грани. При «сухой» сгущается кровь, резко растет давление. У меня было 180 (надзиратели мерили). Дальше – тромб или инсульт. Преимущество такой голодовки – она заставляет быстро решать вопрос. Риск с третьего дня. Больше 10 почти никто не живет. Обычная («мокрая») голодовка переходит в угрожающую стадию через 30–60 дней.

Итак, «сухая». Очень тяжело. Видимо, здоровье уже не то. На четвертый день не могу ходить. Кружится голова. Приходит врач: начальник лагеря принял мое условие – объявлено, что я помещен в одиночку по его решению. Слова врача подтверждает начальник и «блаткомитет».

Меня переводят в санчасть, где я несколько дней жестко расплачиваюсь со своим организмом (точнее – он со мной).

Выход в лагерь. Опять ШИЗО, опять суд, опять отмена.

Новое обвинение, этап в Читу. Начальник оперотдела лично тащит все мои вещи в машину. Приносит даже матрас и одеяло. «Только не возвращайтесь!» Прощаемся более чем любезно.

ГУЛАГ или уже не ГУЛАГ?

Изменилась ли гулаговская система? И да и нет. Разумеется, общие изменения огромны. Во-первых, никого не морят голодом. Отдельные прецеденты бывали и бывают, есть даже целые «голодные зоны», но это, скорее, нераспорядительность конкретного начальника колонии, воровство, а не продуманная государственная политика, как было при Сталине.

Во-вторых, нет убивающе тяжелого рабского труда. Скорее, в «зонах» вообще нет работы. Люди дуреют, звереют, теряют социальные навыки (те, у кого они были). Однако за безработицу сегодня никого не наказывают, а вот за смерти и побеги – очень. Поэтому работы просто нет или она не носит разумно-созидательного характера.

В-третьих, просто так убить заключенного нельзя. Такой факт потребует огромного числа бумаг. Бить, мучить – можно, а вот убивать действительно запрещено. Запрет, конечно, как и любой другой, нарушается, но это иная ситуация, чем когда такое право было дано.

В-четвертых, условия проживания хоть и тяжелые, но не убивающе тяжелые. Например, зимой в бараках отрицательных температур стараются не допускать, дают воду, пусть и холодную, сравнительно регулярно позволяют мыться, стирать вещи.

Понимаю, смешно и грустно слушать, но именно такие «мелочи» дают или отнимают право на жизнь.

Теперь о сходстве с ГУЛАГом.

Заключенный – не совсем человек, скорее скотина, чья ценность для «хозяина» существенно выросла по сравнению с первой половиной прошлого века. То есть убивать нельзя, но бить – можно и нужно. Морить голодом нельзя, но и думать о качестве питания необязательно.

Мораль по отношению к заключенному вообще понятие несущественное: врать, разводить, стравливать друг с другом, выказывать пренебрежение – можно и нужно.

Хотя здесь, как и во всем, есть исключения. Есть служащие, которые никогда «не позволят себе», и есть заключенные, которые не позволят «по отношению к себе». Но так было и в ГУЛАГе. Конечно, тогда для заключенного ставка была – жизнь, а теперь – здоровье и возможность досрочного освобождения.

К слову, о здоровье. Здоровье в нашей стране вообще ценность «второго ряда», а качество его охраны и на свободе оставляет желать лучшего. Что происходит в «зоне» – можете себе представить, и будете правы.

Хотя мне лично повезло. Причем повезло уже дважды. Первый раз – когда меня резали¹¹: попался военный хирург с твердой рукой. Второй раз, наоборот, зашивали. На счастье, тот, кто числился стоматологом, оказался лицевым хирургом, и теперь благодаря ему шрам на лице мало заметен.

Низкий ему поклон. Но это, скорее, исключения. Гораздо более частыми являются случаи, подобные тому, свидетелем которых мне довелось быть.

Одного знакомого мне заключенного жестоко избили. Он попал в медсанчасть, которая была «через забор» от нашего барака, и, поскольку забор из колючей проволоки позволял переговариваться, я к вечеру заинтересовался, как его дела. Мне прокричали, что он плох и, видимо, помрет, поскольку после некоторого улучшения опять лежит, редко приходя в сознание. Фельдшер же, оказав первую помощь, больше не подходит.

Я попросил передать администрации, что, если он помрет, я молчать не буду. Через час из города пришел врач. Телефон в медсанчасти не работал, поэтому весь лагерь наблюдал,

¹¹ Делали операцию. – Здесь и далее примечания автора – Натальи Геворкян (НГ).

как сначала врач бегом бежит в дежурную часть, а потом (единственный раз за все время) на территорию заезжает «скорая помощь».

Парня спасли. У него был разрыв селезенки, и к моменту попадания на стол хирурга он потерял более двух литров крови от внутреннего кровотечения.

В общем, болеть в нынешней зоне, как и в ГУЛАГе, категорически не рекомендуется. Но и выйти отсюда, сохранив здоровье, – малореально.

Можно ли изменить ФСИН без изменения общей ситуации в стране?

Не знаю, но пытаться можно и нужно.

Надо помнить, что в сегодняшнем ГУЛАГе присутствуют разные типы людей.

Во-первых, и это самое печальное, невиновые. Эту долю можно определить, зная общее число оправдательных приговоров нашего «басманного правосудия» (0,8 %) и сравнив ее с тем количеством следственного брака, который признается таковым судами присяжных у нас (20 %) и судами стран Европы, где качество работы правоохранительной системы вряд ли, скажем мягко, уступает нашему (15–30 %).

Если даже учесть, что часть реальных преступлений попросту не доказана, то и в этом случае каждый пятый – седьмой заключенный невиновен, а это 150 000 человек, 150 000 судеб, семей, потерянное ими здоровье, невосполнимые годы жизни...

Во-вторых, та группа преступников, которых общество готово в конце концов простить и в социальной адаптации которых оно заинтересовано.

Численность этой группы зависит от общего состояния морали, гуманизма в стране, но и сегодня она составляет большую часть. «Воровайки», «жулики», хулиганы, даже «бытовые» убийцы сегодня нашим, в целом жестоким, обществом не рассматриваются как потерянные навсегда.

И если в первом случае речь идет скорее о судебной системе, то вторая группа – несомненная прямая задача ФСИН.

Проблема усугубляется тем, что значительная часть заключенных приходит, не обладая необходимыми социальными навыками, у остальных зона разрушает имеющиеся.

Во-первых, людям необходима работа. Причем работа, которая позволит им и сохранить привычку к ежедневному труду, и помочь своим семьям, оставшимся без кормильца (огромная проблема, дополнительно разрушающая семьи, порождающая беспризорность и новую преступность), заплатить по искам, а также работа, которая позволит, выйдя на свободу, иметь честный кусок хлеба, а не кидаться опять за помощью к «старой профессии».

Понятно, задача непростая, особенно в наше «рыночное» время, но вполне решаемая. А главное – заслуживающая самого пристального внимания. Ведь именно здесь «зарыты» 50 % рецидивов, то есть сотни тысяч и миллионы новых преступлений, наносящих огромный ущерб тому же самому обществу.

Скупой платит дважды, и хорошо, если только дважды.

Аналогично надо посмотреть и на другие проблемы: одежда, встречи с семьей, режим, образование.

Что для нас важнее: создать дополнительные условия «наказывания» помимо лишения самого дорогого – свободы – либо вернуть людей к нормальной жизни? И не платить потом дважды, трижды за то, что этого не сделали?

Психология тюремщиков способна дать только первое. Если обществу нужно второе, тогда решать эти вопросы должны совсем другие люди, не связанные с тюремным ведомством.

А ФСИН должна исполнять порученное, пусть даже если это и осложняет персоналу жизнь. Но ведь каждый из нас на своем рабочем месте делает то, что нужно заказчику, а не то, что сделать проще. Хотя и хотелось бы.

К слову, это еще одна причина, по которой ФСИН, если мы действительно хотим что-то изменить, не должна играть в изменениях роль «первой скрипки».

Наконец, существует проблема людей, которых общество не готово простить никогда.

Здесь тоже надо учитывать несколько составляющих. Первая и главная – «судебные ошибки». Их чудовищно много, и, что тоже важно, в смерти человека, облыжно обвиненного в непрощаемом преступлении, часто заинтересованы те, кто хотел бы «спрятать в воду» концы своих преступлений, своего корыстного интереса, своей преступно плохой работы.

Вторая составляющая – изменение, гуманизация самого общества. Готовность простить тех, кто раскаялся, кого мы не готовы были простить раньше.

Третья – как мы считаем достойным для себя поступать с теми, кого мы не готовы простить?

Увы, но ответ на все эти вопросы может быть дан только общий, поскольку «окончательное знание истины» человеку недоступно. Думаю, отношение к непрощаемым преступникам, наличие неустранимого сомнения в вине каждого из них, внутренняя готовность простить раскаявшегося не только показатель уровня общества, но и образец желаемых этических норм, к чему мы все должны стремиться.

Именно такой подход и люди, готовые к такому подходу, способны подсказать правильный ответ.

Надо заметить еще один крайне важный факт. Адаптация к свободе после пяти лет «зоны» трудна, после 10 – в большинстве случаев невозможна. Человеческая психика коверкается в большинстве случаев необратимо. Это к вопросу, что мы, общество, хотим от тюрьмы.

Адаптация к несвободе

Уезжая, знаю: «зона» – это не страшно. Там живут обычные люди, и твое место в том мире зависит от тебя. Причем от воли больше, чем от силы. Бояться нельзя. Результат – мерзкая, грязная жизнь, которая хуже смерти. А смерть... Что смерть? Риск невелик: две-три на тысячи заключенных в год. И потом, это быстро, а посему – не страшно.

Преимущества «зоны» – солнце и свидания. Свидание в «зоне» – это три дня, раз в квартал, в помещении по типу провинциальной гостинички. Мама, жена, дочь, которых можно потрогать, обнять. Время пролетает как мгновение.

Вообще тюрьма, несомненно, разрушает семьи. Регулярно приезжают к одному из 20. Жены уходят, дети забывают. За пять лет человек, как правило, теряет социальные корни. За воротами его ждет пустыня, поэтому так многочисленны возвраты. Кто и зачем создал и поддерживает именно такую систему – понять не могу. Возможно, не со зла, а по традиции. Но последствия у этой традиции жуткие. Целый слой выброшенных людей. Миллионы разрушенных семей и судеб.

Главное, что альтернатива существует и варианты всем известны, а ограничения на семейное общение очевидно избыточны. Но пока все остается как есть.

В то же время проблема собственно противоположного пола хотя и существует, но наряду с прочими. Причем в большей степени для заключенных чуть старше 20 и моложе 35 лет. Те, кто еще моложе, приходят обычно из колонии для несовершеннолетних и не обладают опытом регулярной сексуальной жизни. Те, кто старше, возможно, в результате стрессовой ситуации, не ощущают этот вопрос как критический. В общем, о нем можно спокойно говорить.

Семья – иное. Здесь буквально минное поле, любые движения на котором чреваты жесточайшими конфликтами, депрессиями и даже самоубийствами.

В целом навязчивые мысли, воспоминания – депрессия, свойственная достаточно большой части людей, – меня не коснулись. Могу вспомнить буквально несколько ночей, когда я не спал.

Конечно, особенно в первый тюремный год, когда каждый день по нескольким каналам телевидения и радио рассказывали, как громят компанию, было весьма неприятно. Пропганда давила на психику. Но я достаточно хорошо контролирую свое сознание. Например, начинаю составлять в уме письмо, или строить дом, или обставлять какое-нибудь помещение.

Потом выяснил для себя, что мне легче всего дать выход нервам, переложив мысли на бумагу. Начал писать тексты выступлений, писем, жалоб, но не статей. То, где «даешь выход», не годится, чтобы читали другие. Потом перечитываешь – неадекватно. Зато появляется привычка класть мысли на бумагу. За восемь лет научился. Пусть не так здорово, как профессионалы, но для меня и это – достижение. Я ведь в школе просил любимых девочек писать за меня сочинения. Сам не хотел и не умел.

Возвращаясь к мыслям, расскажу об удивительном случае в колонии. Вообще-то я всегда был достаточно спокоен за свою семью. Во-первых, они у меня молодцы. Во-вторых, я знал, что всегда получу информацию и смогу обратиться за помощью.

Вдруг, что называется, «пробило». Не могу ни о чем больше думать, целый день в голове жена. Ей плохо. Ну полная чушь. Тем не менее ощущение настолько острое, что делаю запись в дневнике (единственную такого рода) и на следующий день связываюсь с адвокатом. Нет, вроде все в порядке. Ну у меня «отхлынуло». Тем не менее, когда на свидание приезжает жена, спрашиваю. Оказывается, ее прихватило. Температура под 40 целый день. Больше у меня такого не случалось, но теперь я во многое готов верить.

Тюрьма и воля

Тюрьма является как бы увеличительным стеклом для наблюдения за общественными процессами.

Когда в стране резко снижался уровень жизни, то через некоторое время в тюрьме питались травой в буквальном смысле этого слова. Последний раз, по рассказам, такое случилось в 1999–2000 годах. Счет дистрофикам, как рассказывают, шел на десятки и сотни.

Я этого, к счастью, не застал, но был поражен наличием полностью безграмотных молодых людей. То есть вообще не умеющих в свои 20 с хвостиком лет ни читать, ни писать.

Я был свидетелем смены «контингента» в Матросской Тишине, когда на место маньяков и уличных преступников в массовом порядке стали поступать люди, у которых рейдеры в погонах отнимали собственность.

Я наблюдал, как, отдав собственность, они выходили со сроками и без.

Я видел, как в тюрьму пошли правоохранители и их подручные из числа «коммерсантов», пострадавшие в ходе междоусобных войн ведомств, как с недоверием восприняли медведевские инициативы и как стали спустя некоторое время благодаря им выходить на свободу, возвращать свое добро. Пусть пока частично.

Нет, в тюрьме, несмотря на все ограничения, многое хорошо заметно из того, что происходит на воле.

Человек в тюрьме, несомненно, меняется. Тюрьма сходна с инвалидностью, когда одни, неработающие, системы восприятия восполняются обострением других. Взамен сократившемуся количеству внешних раздражителей приходит большая чувствительность к остающимся.

Те, кто долго находится в тюрьме, любят смотреть мультфильмы, острее реагируют на события во внешнем мире, гораздо тоньше ощущают окружающих. Выходившие после долгой отсидки на волю рассказывают, что первые несколько месяцев читают людей как открытую книгу. Потом «сверхвосприимчивость» проходит.

Несомненно, тюрьма меняет и этические нормы. Особенно в молодых, не устоявшихся головах. Если на свободе 95 % людей в обычной жизни вранье считают чем-то не очень хорошим, а жестокость не относят к норме, то в тюрьме все не так.

Врать нельзя «своим», красть нельзя у «своих». Жестокость – норма. Причем такие правила навязываются не только (а может, и не столько) преступным сообществом. Это правила, по которым живут «сотрудничающие с администрацией» и сама «администрация». «Зона» – большая деревня. Здесь все, всё и про всех знают. Да никто особо ничего и не скрывает: «опера» всех «разводят» и подставляют, все и всё воруют, в ШИЗО бьют (впрочем, не только в ШИЗО), услуги покупают и т. д. Может, только торговля наркотиками идет сравнительно негласно. Хотя и про наркотики в общем все известно. Я лично, например, только в «зоне» увидел гашиш в брусках, «пятаки», «химки», марихуану, которую в сезон курили почти все. Странный, сладковатый дымок. Очень характерный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.